

Однако предвзятость этого фотографа оказалась куда сильнее, чем они предполагали. В марте еще не потеплело, температура держалась на уровне всего двух-трех градусов. Одетый в легкую одежду Юй Нянь стоял на открытой каменной лестнице, продуваемой всеми ветрами. Съемка продолжалась уже два часа, и он почти перестал чувствовать собственное тело от холода.

Взяв из рук Ши Роу термос, Юй Нянь осторожно сделал пару глотков горячей воды.

Видя, как Юй Нянь дрожит от холода, Ши Роу чуть не плакала:

— Да что не так с этим фотографом? Я смотрела со стороны, кадры получаются просто отличные! А он все твердит, что твоя улыбка слишком наигранная и неискренняя, то поза зажата и неестественная, то придирается к складкам на одежде или к углу подъема ноги... Какая-то нелепица! Что он за человек такой!

Юй Нянь закрутил крышку термоса и вернул его Ши Роу. Его лицо так онемело от холода, что он едва мог улыбнуться:

— Ничего, я еще могу продержаться.

Размяв затекшие конечности, Юй Нянь снова встал перед камерой. Но не прошло и нескольких минут, как раздался насмешливый голос Цзи Чжаодэ:

— Раз уж получаешь такие деньги, будь добр проявлять профессионализм! Тебя пригласили сюда не для того, чтобы ты гнался за легкими деньгами. Ах, я и забыл, вы же все...

Юй Нянь развернулся и, слегка приподняв уголки губ, посмотрел на Цзи Чжаодэ сверху вниз с каменной лестницы. Чуть вздернув подбородок, он произнес:

— Возможно, вы не в курсе, но за эту съемку я не взял ни копейки. Более того, дорожные расходы и оплату труда моей команды я покрыл из собственного кармана.

— И что, если тебе не заплатили, можно работать спустя рукава? Я не первый раз встречаю...

— Встречаете таких, как я? Популярных мелких звездочек, которые только и думают, как бы побыстрее заработать легкие деньги, из-за фанатской лести забывают о границах собственных способностей, не имеют ни самокритики, ни профессионализма?

Юй Нянь выпалил это на одном дыхании, перестал улыбаться, и его взгляд стал острым и холодным как лед. Он отчетливо произнес каждое слово:

— Господин фотограф Цзи, у меня есть профессиональная этика, и именно поэтому я простоял здесь больше двух часов, снося ваши придирки и во всем соглашаясь без единой жалобы. И я надеюсь, что у вас тоже есть профессиональная этика. Хотя бы капля.

— Ты!.. — лицо Цзи Чжаодэ вспыхнуло от стыда и злости от того, что его раскусили. Но прежде чем он успел вставить слово, Юй Нянь махнул рукой своей помощнице.

Забрав у Ши Роу телефон, Юй Нянь на глазах у Цзи Чжаодэ набрал номер Гань Чжоу.

— Директор Гань, боюсь, в этот раз я не смогу сняться для этих фотографий.

Гань Чжоу пришел быстро — по дороге ему, видимо, уже успели рассказать, в чем дело. Пройдя мимо Цзи Чжаодэ, он с извиняющимся видом обратился к Юй Няню:

— Прости меня, Сяо Юй.

Юй Нянь плотнее укутался в пуховик, потер озябшие ладони и с трудом улыбнулся:

— Все в порядке. Просто я действительно ужасно замерз и больше не могу терпеть, поэтому и набрался наглости позвонить вам. Надеюсь, вы не сочтете меня капризным.

Видя, что лицо юноши побледнело от холода, голос дрожит, а под пуховиком надета лишь пара тонких слоев ткани, Гань Чжоу поспешно произнес:

— Это я тебя пригласил, а в итоге заставил страдать. Если ты заболеешь, это будет целиком моя вина.

Юй Нянь опустил глаза, разглядывая стыки между напольными плитками, и промолчал.

Гань Чжоу продолжил:

— Давай я приму решение и мы заменим фотографа, что скажешь?

Юй Нянь поднял взгляд:

— Это не сорвет график?

— Нет, у нас изначально был запасной кандидат. Просто тебе придется немного подождать.

Уголки глаз Юй Няня потеплели:

— Ничего страшного, я подожду. Я специально освободил эти два дня в своем расписании.

Услышав это, Гань Чжоу почувствовал еще большую вину:

— Эх, моя вина. Был бы жив господин Сюнин, как бы он за тебя испереживался!

— Вовсе нет. Дедушка бы только сказал: «Хм, такой молодой, а уже боишься холода? Беги скорее к бабушке, пусть сварит тебе укрепляющий отвар!» — Юй Нянь потер нос и пожаловался: — А эти отвары ведь такая гадость!

Гань Чжоу тут же рассмеялся.

Немного передохнув в помещении, Юй Нянь плотнее закутался в пуховик и обнял грелку с горячей водой. Только тогда он наконец начал согреваться.

Беспокоясь, как бы тот не простудился, Мэн Юань принес лекарство от простуды и проследил, чтобы Юй Нянь его выпил. После чего вздохнул:

— А ты его здорово на место поставил. Видел бы ты физиономию этого Цзи Чжаодэ — бесценное зрелище! Хорошо еще, что директор Гань оказался разумным человеком, иначе ну их, эти съемки!

Юй Нянь сжал в руках чашку с горячей водой:

— Да, надеюсь, дальше все пойдет гладко.

Вскоре прибыл новый фотограф. Женщина в черном пуховике шла быстрым шагом. Они

обменялись рукопожатием, и она представилась:

— Меня зовут Хуан Лицин, надеюсь, наше первое сотрудничество будет приятным. Я пойду на улицу подготовлю свет, а вас попрошу пока подождать здесь.

Юй Нянь кивнул:

— Хорошо, спасибо вам за труды.

На этот раз съемки прошли на удивление гладко. Хуан Лицин была чрезвычайно строга к деталям в кадре, под ее пристальным вниманием находилось даже малейшее изменение мимики Юй Няня. Тем не менее к моменту, когда начало смеркаться, работа уже завершилась.

На лице Хуан Лицин появилась улыбка:

— Очень, очень хорошо. Ты отлично чувствуешь камеру, кадры получаются выразительными, а твой образ идеально гармонирует с атмосферой музея. Уверена, итоговые снимки будут великолепными.

Улыбка Юй Няня стала еще шире, и он слегка поклонился в знак благодарности:

— Спасибо вам большое! Мне тоже очень понравилось работать с вами, с нетерпением буду ждать готовых фотографий.

Хуан Лицин была не из разговорчивых. Она еще раз пожала Юй Няню руку и мягко произнесла:

— Надеюсь, нам еще представится возможность поработать вместе.

После этого она сразу же переключилась на сбор оборудования.

Закончив все дела, Юй Нянь сел в машину и снова сделал несколько глотков горячей воды из термоса.

Сидевший впереди Мэн Юань повернулся к нему:

— На сегодня ты свободен, поезжай домой и хорошенько отдохни. Промо-ролик снимем несколько дней позже. Примерно послезавтра в официальном блоге музея выложат фотографии, не забудь сделать репост.

Юй Нянь кивнул. Ему все еще было зябко, и он инстинктивно плотнее закутался в пуховик. Все его мысли сейчас были о Се Ю.

— Брат Мэн, я пока не поеду домой. Можешь подбросить меня до больницы «Жэньань»?

Мэн Юань заволновался:

— Плохо себя чувствуешь?

— Нет, просто у меня друг лежит в больнице, хочу его навестить.

Машина свернула к воротам больницы «Жэньань». Юй Нянь надел маску и бейсболку, попрощался с менеджером и вошел внутрь.

Охранявшие палату телохранители знали Юй Няня в лицо, поэтому при его появлении сразу же расступились.

Он постучал и, услышав разрешение, толкнул дверь.

Се Ю сидел на кровати и просматривал документы. Заметив вошедшего Юй Няня, он слегка оживился, а его глаза блеснули:

— Ты же говорил, что сегодня не придешь?

Юй Нянь снял теплое пальто, повесил его и, повернувшись к Се Ю, улыбнулся:

— Закончил работу, поехал домой, но мысли все время возвращались к тебе. Вот и решил заглянуть.

Се Ю посмотрел на него и слегка нахмурился:

— Подойди.

За последнее время они стали гораздо ближе, поэтому Юй Нянь послушно подошел к нему:

— Что случилось? Где-то болит?

Се Ю поднял руку и прикоснулся к его лбу. Кожа оказалась обжигающе горячей. Нахмурившись еще сильнее, он произнес:

— Няньнянь, у тебя жар.

Полчаса спустя рядом с кроватью Се Ю поставили еще одну. Юй Нянь лежал на ней, прижимая ладонь к собственному лбу:

— Если бы ты не сказал, я бы и не заметил. Надо же, почти сорок градусов.

Сказав это, он снова вздрогнул от озноба.

Почувствовав на себе обеспокоенный взгляд Се Ю, Юй Нянь поспешил его успокоить:

— Я правда очень редко болею. Наверное, сегодня просто перемерз. Ничего, посплю — и завтра уже буду в порядке.

Но все вышло совсем не так, как он предполагал. К вечеру следующего дня высокая температура продолжала скакать, никак не желая спадать.

Се Ю плотно сжал губы, глядя на лежащего на боку Юй Няня, чье лицо покраснелось от сильного жара. Пребывая в полузабытьи, Юй Нянь почувствовал на себе его взгляд. Он с трудом приоткрыл глаза и попытался ободряюще улыбнуться:

— Не переживай... Я немного посплю, и все пройдет.

Голос его затих, и он снова погрузился в глубокий сон.

Се Ю не находил себе места от беспокойства. Включив прикроватную лампу для чтения, он попытался сосредоточиться на документах. Ближе к полуночи сон Юй Няня стал беспокойным, он то и дело ворочался.

— Бабушка...

В тишине палаты Се Ю отчетливо расслышал этот невнятный лепет и повернулся к нему. Ресницы Юй Няня намокли от слез, дыхание было частым и тяжелым, а на щеках горел лихорадочный румянец. В полубреду его рука соскользнула с кровати и повисла в воздухе; пальцы слабо шевелились, словно он пытался за что-то ухватиться.

Замявшись на несколько секунд, Се Ю поднялся со своей постели и очень осторожно вернул руку Юй Няня под одеяло.

Но стоило ему попытаться убрать свою руку, как в следующее мгновение горячие пальцы крепко сжали его ладонь.

Се Ю мгновенно застыл на месте. Он порывался высвободить руку, но не мог заставить себя сделать это. И тут с губ Юй Няня сорвался едва различимый шепот:

— Се Ю...

Сердце Се Ю пропустило удар, а затем бешено заколотилось. Он затаил дыхание и осторожно перехватил горячую ладонь Юй Няня, сжав ее в своей руке. Слегка подрагивая ресницами, он нежно отозвался:

— Да, я здесь.

Когда Юй Нянь пришел в себя, ему стало гораздо легче. В теле осталась лишь легкая ломота, а голова наконец прояснилась.

<http://bllate.org/book/18301/1756971>